

RU

Постанархизм между политической и философской анархией

Поляков Д. Б.

Аннотация. Цель настоящего исследования – зафиксировать место и роль концепции postanархизма по отношению к анархистской политической философии. Достижение указанной цели осуществляется посредством обзора хронологического и тематического срезов этой концепции с опорой на ее теоретические первоисточники с последующей проблематизацией положения postanархизма в границах анархистской мысли. Научная новизна исследования заключается в разграничении понятий анархистской (политической) философии и философского анархизма, что и позволяет в качестве результата определить промежуточный статус postanархистской концепции, стремящейся минимизировать то напряжение и взаимное ускользание, которое сопровождает указанное разграничение.

EN

Post-anarchism between political and philosophical anarchy

D. B. Polyakov

Abstract. The aim of this research is to establish the place and role of the concept of post-anarchism in relation to anarchist political philosophy. Achieving this aim is carried out through a review of the chronological and thematic sections of this concept, based on its theoretical primary sources, followed by a problematization of the position of post-anarchism within the boundaries of anarchist thought. The scientific novelty of the research lies in distinguishing between anarchist (political) philosophy and philosophical anarchism, which, as a result, allows for the determination of the intermediate status of the post-anarchist concept, which seeks to minimize the tension and mutual elusiveness that accompanies this distinction.

Введение

Актуальность исследования обусловлена усилением тенденций этатизации (огосударствления) ранее в той или иной мере автономных общественных процессов и сфер, что в разных вариациях и формах порождает в качестве реакции оппозиционные установки, смыслы и ценности. Данный контекст создает предпосылки для обращения к анархизму – течению политической и философской мысли, наиболее радикальному с точки зрения обозначенной оппозиционности дискурса. В частности, интерес представляет концепция postanархизма, объединяющая анархистскую антииерархическую этику с методологическим и концептуальным инструментарием континентальной философии и, прежде всего, постструктурализма. Актуальной заявленную тему делает и то, что как теория и мировоззрение анархизм в целом предельно восприимчив к гегемонистским притязаниям тех или иных систем власти на конструирование подчиненной человеческой субъективности. И эта работа систем власти не ограничивается предписаниями государства в виде указов, запретов или законов, но реализуется в наше время менее очевидным образом посредством медиа, рекламы, культуры, образования, науки и т. д. Именно эти, более утонченные, механизмы господства пытается выявить postanархизм, чье место и роль по отношению к анархистской политической философии мы намерены установить в качестве цели исследования.

Достижение указанной цели исследования сопряжено с решением следующих задач: во-первых, осветить генеалогию и тематические рубрики postanархизма как течения или тенденции в анархистском дискурсе; во-вторых, выявить критерии (показатели), в соответствии с которыми имеет место разграничение анархистской философии и философского анархизма; в-третьих, зафиксировать амбивалентность postanархизма в контексте данного разграничения, связанную среди прочего с его репутацией чисто академического проекта.

Теоретической базой исследования послужили работы как непосредственных представителей postanархистской концепции, так и авторов, косвенно повлиявших на его становление и развитие: Хаким Бей (2020), Э. М. Кох (Koch, 1993), Т. Мэй (May, 1994; 2011), С. Ньюман (Newman, 2001; 2010; 2019), Л. Колл (Call, 2002) и другие мыслители, полный перечень которых со ссылками на их труды представлен в параграфе «Контексты

и тексты». Кроме того, к достижению поставленных задач привлечены работы современных теоретиков и исследователей анархизма (Грэбер, 2014; Jun, 2010; McLaughlin, 2010; Malabou, 2023), а также критиков постанархистского проекта (Кун, 2023; Jun, 2012).

Помимо сугубо дескриптивного и историографического методов при раскрытии содержания постанархизма, исследование опирается на сравнительно-сопоставительный анализ феноменов анархистской философии и философского анархизма с обоснованием их синтеза в постанархистской концепции. Кроме того, концептуальной спецификой постанархизма продиктовано обращение и к постструктуралистской методологии.

Что касается практической значимости, то результаты настоящего исследования, как представляется, позволяют конкретизировать терминологический аппарат при дальнейшем изучении философии анархизма, а также реактуализировать вопрос о соотношении теории и практики радикальных политических движений.

Обсуждение и результаты

Начнем с того, что в подражание Ж. Бодрийяру (2016, с. 189) назовем постанархизм неопознанным теоретическим объектом (такими словами французский философ характеризовал постмодернизм). Действительно, помимо указания на связь анархизма с постструктуралистской (или, в другой вариации, постмодернистской) философией, довольно сложно дать однозначный ответ на вопрос о том, что же именно происходит из этой связи, какая концепция – и о чем конкретно – формулируется в результате этой стыковки. Не в пример другим течениям анархистской мысли, имеющим более или менее четкий «референт» (анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархо-индивидуализм и т. д.), постанархизм предстает отвлеченным теоретизированием, усложненным к тому же почти непроницаемым академическим языком, из-за чего могут сложиться – и нередко складываются – некорректные выводы о тех или иных постанархистских установках. Говоря о русскоязычной рецепции постанархизма, мы можем добавить к этому, конечно, и очень слабую представленность ключевых работ – вышедший в 2021 г. перевод книги С. Ньюмана «Постанархизм» является единственной на сегодняшний день такой работой, причем далеко не самой лучшей с точки зрения содержания, аргументации и других нюансов. Исходя из сказанного, попытаемся провести «опознание» этого теоретического объекта, для начала вкратце проследив его историю или, что точнее, генеалогию.

Контексты и тексты

Пожалуй, как и в случае с любым теоретическим объектом, постанархизм представляет собой тексты. Тексты, фиксирующие определенный сдвиг анархистской рефлексии на рубеже XX–XXI вв. в связи с тем, что с подачи французского философа Ж.-Ф. Лиотара стало именоваться состоянием постмодерна, которое наряду с активными процессами глобализации мы можем назвать социокультурным контекстом этих самых текстов. Недоверие к грандиозным проектам (большим нарративам) в сфере политики, искусства, науки и философии становится превалирующим умонастроением среди западных интеллектуалов, которое нашло отражение в квазиэсхатологической риторике смерти субъекта и автора, конца истории и идеологии и т. п. Влияние французского постструктурализма, начиная с 1970-х гг. вплоть до начала 2000-х, так или иначе испытала на себе и собственно политическая мысль, особенно – если не в первую очередь – радикальная, что кажется закономерным с учетом тех мотивов разоблачения, деконструкции, подрыва иерархических моделей мышления и господствующей рациональности, которые в избытке можно найти у М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида и других авторов. Много позже К. Малабу (Malabou, 2023, p. 15) не без основания охарактеризует этих мыслителей как «философов анархии», а потому неудивительно, что субверсивный пафос их работ привлек внимание той или иной части анархистов.

Происхождение самого термина «постанархизм» чаще всего связывают с именем Хаким Бея (псевдоним Питера Ламборна Уилсона) – американского эссеиста и поэта, известного своим оригинальным микшированием анархистских идей с разного рода мистическими и оккультными сюжетами. Заголовок компактного эссе 1987 г. «Пост-анархистская анархия», как и его содержание, фиксирующее желание «заменить устаревший багаж левачества» в традиционном политическом анархизме, а также ряд других концепций и тем (временные автономные зоны, онтологический анархизм и др.) – все это фактически утвердило место Хаким Бея (2020) в постанархистском «историографическом» каноне. Между тем его собственные идеи так же имеют свою генеалогию, которую, например, прослеживает исследователь Дж. К. Грив (Greer, 2013, p. 184), делая вывод о том, что постанархистский дискурс не привязан в своих истоках к какому-то конкретному автору, но имеет гибридное происхождение: свою роль здесь сыграла не только постструктуралистская критика, но и эзотерика, воплощенная в пародийной религии дискордианства, а также даосизм, ницшеанство и даже экспериментальная беллетристика У. С. Берроуза. Стоит добавить, что другой близкий к постанархизму автор – Р. Дэй (Day, 2010) – называет одним из первых постанархистов немецкого мыслителя Г. Ландауэра, которому так же не были чужды мистические мотивы. Со своей стороны, мы могли бы без труда найти предвосхищение постанархизма в текстах некоторых русских анархистов начала XX в., отличавшихся оригинальным видением идеала безвластия – к примеру, у А. А. Борового, братьев В. и А. Гординых, А. Н. Андреева и т. д., – однако такое, безусловно, перспективное исследование потребовало бы отдельной статьи (хорошим подспорьем в этом может послужить книга московского исследователя анархизма Н. Герасимова (2024)). Мы потому и уточнили ранее, что речь идет о генеалогии, поскольку выявить некий конкретный теоретический источник постанархизма, или его *архэ*, как минимум, проблематично.

Что же касается взаимной теоретической фильтрации анархизма и собственно постструктурализма (с чем постанархизм прежде всего и ассоциируется), то впервые эта процедура осуществляется в научной статье Т. Мэя 1989 г., тезисы которой впоследствии масштабируются до полноценной монографии «Политическая философия постструктуралистского анархизма» (May, 1994). Примерно в то же время Э. М. Кох (Koch, 1993), по-видимому, совершенно независимо от Мэя, публикует статью, в которой утверждает, что для современного анархизма постструктуралистский подход является органичным эпистемологическим фундаментом. В этих текстах, во многом опирающихся на фукольдианскую микрополитику и понятие «власть-знание», проблематизируется феномен репрезентации. У Мэя объектом критики становится репрезентация субъекта в самой анархистской оптике или, по его терминологии, «гуманистический натурализм». В свою очередь, Кох обрисовывает проблему репрезентации в связи с процессами производства истины и знания, которые – не являясь политически нейтральными – делают господство одних над другими рационально обоснованным. Кроме того, в статье Коха, вероятно, впервые отчетливо демонстрируется связь идей немецких индивидуалистов М. Штирнера и Ф. Ницше с идеями постструктурализма. Впоследствии еще более основательно эту связь будут анализировать другие постанархистские авторы.

В начале нового тысячелетия выходит книга Ньюмана «От Бакунина к Лакану. Антиавторитаризм и смещение власти» (Newman, 2001), в которой классический анархизм, как и у Мэя, предстает продуктом проблематичного просвещенческого гуманизма. Ньюман усматривает в этом анархизме «манихейство» – бинаристский подход, фиксирующий безусловное благо (общество, человечество) и противостоящее ему столь же безусловное зло в лице государства; с одной стороны, чистый и подлинный, незараженный властью локус сопротивления, с другой – фундированное в государстве место или средоточие власти. Такая поляризация сопровождается эссенциалистской логикой, т. е. допущением о некоей исходной и неизменяемой сущности человека, наделенной положительными свойствами, раскрытие которых блокируется властными институтами. Задача Ньюмана – преодоление эссенциализма в анархистском мышлении и выработка такой этики, которая не была бы завязана на трансцендентных догмах и эссенциалистских предпосылках. Выполняя эту задачу, он последовательно обращается в отдельных главах к Штирнеру, Фуко, Делезу и Гваттари, Деррида и особенно к психоанализу Ж. Лакана. Наконец, этой книгой Ньюман вводит в широкий оборот само понятие постанархизма в значении конвергенции постструктурализма и анархизма.

Следом за монографией Ньюмана Л. Колл (Call, 2002) издает свою книгу «Постмодерный анархизм», в которой помимо имен Фуко и Делеза появляется фигура уже упомянутого нами Бодрийяра с его теориями символического насилия, гиперреальности и симуляции. Здесь же содержится оригинальная трактовка философии Ницше, а также новаторская анархистская интерпретация киберпанк-фантастики У. Гибсона и Б. Стерлинга, в чьих романах Колл усматривает образцы нелинейного, сетевого мышления и пространства, оспаривающих всякую статичность и иерархию (Call, 2002).

Все вышеизложенное можно назвать *ранним постанархизмом*. Далее следует критическая реакция на этот проект, ответы на критику, обращение не только к постструктурализму, но и к другим направлениям и персоналиям современной континентальной философии – этот период условно обозначим как *поздний постанархизм*. В 2005 году выходит книга Р. Дэй «Грашми мертв. Анархистские течения в новейших социальных движениях» (Day, 2005), в которой автор стремится обосновать необходимость формирования «не-гегемонистской» логики в радикальной политике, попутно критически рассматривая работы предшественников-постанархистов и пытаясь преодолеть слабые стороны их концепций. В 2010 году Ньюман (Newman, 2010) публикует работу «Политика постанархизма», содержащую развернутую критику марксизма, либерализма, а также критический анализ некоторых современных анархистских теоретиков. В этом же тексте Ньюман пытается встроить анархизм в современные политические дискуссии, сопоставляя его с идеями А. Бадью, С. Жижека, Дж. Агамбена, с которыми он полемизирует, в то же время находя у них созвучные анархизму интенции. Помимо апелляции к именитым постструктуралистским мыслителям, Ньюман в своей аргументации прибегает также к философским работам Э. Левинаса и Р. Шюрманна, с помощью которых развивает концепцию онтологической анархии (Newman, 2010).

В 2011 г., когда постанархизм утвердился как самодостаточный интеллектуальный феномен, выходит антология постанархистских статей разных авторов (Post-Anarchism..., 2011). В 2012 году публикуется книга канадского психоаналитика и социолога Д. Русселя «После постанархизма» (Rousselle, 2012), в которой он обращается к такому относительно новому направлению, как объектно-ориентированная онтология, а также задействует философию Ж. Батая, расширяя тем самым теоретическую орбиту постанархизма. В 2016 г. выходит третья и пока единственная переведенная на русский язык книга Ньюмана (2021) о постанархизме с одноименным названием. Наконец, можно упомянуть лекции и семинары Русселя (Rousselle, 2023), опубликованные сравнительно недавно под заголовком «Постанархизм и психоанализ», и на этом завершить наш пунктирный набросок генезиса постанархистских текстов, без которых постанархизм попросту немислим (на его «текстуальной» специфике приходится настаивать по той причине, что, в отличие от анархизма как такового, а также большинства его направлений, не существует никакого постанархистского активизма).

Конечно, в этом наброске не указаны и другие немаловажные авторы, как и десятки интересных статей и эссе, и все же основной корпус литературы и содержащихся в ней идей представлен нами вполне корректно. Обрисовав, таким образом, хронологические контуры в процессе «опознания» постанархизма, мы можем обратиться к его тематическим траекториям и, в конечном итоге, выйти к поставленной в аннотации проблеме напряжения между анархистской политической философией и философским анархизмом, а также той роли, которую играет во всем этом постанархизм.

Постанархистские траектории

Тематический срез мы также рассмотрим предельно схематично через обзор четырех основных траекторий или направлений, по которым, как подсказывает нам Ньюман (Newman, 2019, р. 83-87), осуществляется работа postanархизма: онтология, эпистемология, проблема субъекта и дилемма политического действия.

Онтологический анархизм. Само это понятие, как и слово «постанархизм», восходит к Хаким Бейю, который в присущей ему художественно-публицистической манере описывает хаос как неотъемлемую характеристику реальности. Упомянутое ранее эссе о пост-анархистской анархии он заключает так: «Анархизм ультимативно подразумевает анархию, а анархия – это хаос. Хаос есть принцип постоянного сотворения... и хаос никогда не умирал» (Бей, 2020, с. 80). Не умирал же он по той причине, что никогда и не рождался, он «безначален», т. е. анархичен. В этом смысле анархией действительно можно назвать отсутствие какого-бы то ни было основания или фундамента, на котором бы выстраивалось все сущее и которым бы это сущее определялось. Ньюман (Newman, 2019) дополняет эту хаотическую онтологию, используя философию Шюрманна, который словом «ан-архия» характеризовал завершение метафизического мышления, всегда апеллирующего к неким исходным принципам и первоначалам. Специфическим образом эту же ситуацию описывает Колл (Call, 2002), выводя из философии Ницше концепт «анархии становления» и привязывая его к текущему состоянию постмодерна. Становление, непрерывная вариативность, несводимость к единому истоку, открытость, нефиксируемость и т. п. – таковы характеристики бытия, в том числе бытия социального. Ньюман при этом оговаривается, что речь идет не об абсолютной беспочвенности, но о том, что любые основания – этические или политические – всегда подвижны и изменчивы, всегда контингентны.

Эпистемологический анархизм. При отсутствии устойчивых и естественных оснований всегда есть вероятность возрождения принципа авторитета, универсального метафизического предписания, которое потребует от нас соответствия наивысшим нормам и подчинения им. Установление такого принципа, его натурализация неизбежно сопровождается производством знания и истины о том, что именно этот принцип, этот авторитет, этот политический режим и т. п. является естественным, а потому неизбежным – всякое господство нуждается в эпистемологическом обосновании. Постанархизм, опираясь на Фуко, Делеза и Деррида, а также на П. Фейерабенда, говорит о необходимости культивировать восприимчивость к властным эффектам и дискурсивным жестам исключения, присущим любым претензиям на статус «науки». В политической же плоскости вопрос заключается не столько в том, является ли научное знание правильным или ошибочным, истинным или ложным, сколько в том, как оно способствует иерархизации знания и, следовательно, дискурсивному авторитаризму, который предписывает нам мыслить так, а не иначе. Миф о нейтральности и беспристрастности экспертного знания – это всегда политический миф, поскольку такое знание всегда вовлечено в дискурс тех или иных политических акторов в целях легитимации их позиции (Newman, 2019, р. 84).

Анархический субъект. Схваченная системами власти эпистемологическая машина задействуется и в том, что называется производством субъективности. И поскольку с подачи Фуко мы говорим об отношениях власти, которые пронизывают общество на всех уровнях, возникает вопрос: возможна ли в таких условиях подлинно революционная субъектность и кто может являться ее носителем – тот или иной класс, нация, народ или, быть может, все совокупное человечество? Революционные нарративы прошлого апеллировали именно к этим воображаемым коллективным субъектам, которые дискурсивно изобретались в том числе и самой властью. Универсальные идентичности, во многом дискредитированные событиями XX века, в период постсовременности сменяются более локальными, групповыми эквивалентами. Этим феноменом, получившим название политики идентичности, движет та же репрессивная эссенциалистская логика: политическое действие сводится к конкуренции одних групп идентичности с другими, стремление к признанию прав одних за счет подавления прав других, в том числе посредством правовых механизмов. Так, в postanархизме, а конкретно у Ньюмана (Newman, 2010), который в этом вопросе отталкивается от Штирнера и некоторых континентальных философов, появляется образ сингулярности (единичности). Описывает он ее как гибридную и подвижную субъективность, которая не схватывается никакими определениями, а значит ее нельзя репрезентировать, т. е. говорить от ее лица и формулировать ее интересы. Этот номадический, не фиксируемый субъект порывает с властными механизмами конструирования устойчивой идентичности, ускользает от них, объединяясь в подвижные и изменчивые сообщества с другими единичностями. Сингулярность поэтому не имеет ничего общего с индивидуализмом в либеральном его понимании. Напротив, автономия от государства и капитализма мыслится лишь в отношениях с другими – в «расточительном подходе к свободе», которая есть «щедрый избыток, простираемый за границы индивидуального интереса» (Newman, 2010, р. 55).

Революция или восстание? Затрагивая этот тематический аспект, нам следует указать на то, что почти все postanархисты – за исключением разве что Колла – указывают на проблематичность категории революции. У Мэя такая проблематизация связана с понятиями микрополитики и макрополитики, и он отталкивается от тезиса Делеза о том, что всякая политика – это одновременно и микро- и макрополитика, но не что-то одно из них. Это не значит, что революционные трансформации невозможны, однако их нельзя рассматривать в отрыве от локальных практик сопротивления, количественная совокупность которых предшествует и сопровождает то, что называется революцией. Проблематичной категорию революции делает и то, что в радикальных теориях она почти всегда предстает как Событие, как некий эсхатологический рубеж, за которым начинается новый мир и новая реальность, или, иначе говоря, как метанарратив. (В скобках подчеркнем эту

важную деталь, на которую некоторые критики не обращают внимание: в постанархизме речь идет не об отрицании революции, а о *недоверии к мифу о революции*, что, очевидно, не одно и то же.) Более актуальной формой политического действия Ньюман (Newman, 2010) называет восстание, которое должно предварять революцию. Этот заимствованный у Штирнера концепт подразумевает нечто вроде революции сознания, которая направлена прежде всего к корням субъективности и лишь потом обращается вовне. Развивая тезис о контингентности социальных отношений, постанархизм переосмысляет классическую анархистскую идею автономной, децентрализованной массовой организации, независимой ни от государственных структур, ни от революционных партий, программы которых, в сущности, провозглашали захват этих самых структур – такая форма автономной политики (Ньюман называет ее также антиполитической политикой) в XXI веке реализуется подвижными движениями, локальными низовыми сообществами, возникающими на основе непосредственной коммуникации их участников друг с другом (Newman, 2010; Day, 2005).

Анархистская философия и философский анархизм

По словам американского антрополога и анархиста Д. Грэбера (2014, с. 9), если марксизм стремится быть теоретическим дискурсом о революционной стратегии, то анархизм манифестирует себя в качестве этического дискурса о революционной практике. Именно из-за приоритета практики, которая предполагает те или иные предпочтительные формы организации или политических действий (то, что во введении мы назвали «референтами» разных течений анархизма), может сложиться впечатление об отсутствии анархистской философии как таковой либо же, как минимум, о недостатке в ней целостности и систематичности. Действительно, анархизм в принципе никогда не притязал на построение фиксированной и универсальной системы идей или доктрин. Более того, работы анархистских теоретиков часто носят программный и агитационный характер, а потому складывается резонная тенденция рассматривать их как сугубо политические тексты. Для исследователя анархизма Н. Джун такой подход вовсе не отменяет философской значимости этих работ: «...поскольку они формулируют и определяют политические, экономические и социальные концепции, подвергают политические, экономические и социальные институты резкой критике на фоне четких и ясно определенных нормативных стандартов, предлагают логические обоснования своих собственных позиций и выдвигают позитивные альтернативные предложения, почему эти труды не следует рассматривать как философские тексты и анализировать соответствующим образом? Очевидно, что следует. И тот факт, что их столь долго игнорировали политические философы, историки и другие ученые, целиком и полностью связан с академическими предрассудками, но никак не с интеллектуальной и философской ценностью самих этих трудов» (Jun, 2010, p. 49–50).

Кроме того, говорить об анархизме как о философии позволяет тот факт, что он всегда был неразрывно связан с этикой. Отрицание всех форм принудительной власти мотивировано именно этическим импульсом: с одной стороны, это разоблачение безнравственности господства одних над другими, которое неизбежно связано с насилием (физическим, юридическим, символическим), с другой – альтернативные этому господству ценности свободы и равенства, автономии и взаимопомощи. Политика в конечном счете всегда связана с вопросом об управлении людьми, а такое управление в свою очередь нуждается не только в юридическом обосновании (которое властвующая инстанция может формулировать в свою пользу), но и в этическом. «Все анархизмы, – продолжает Джун, – по праву так называются в силу того, что придерживаются общей моральной позиции. На самом глубоком и фундаментальном уровне анархизм как *философия* является *этикой*; все, что он утверждает или отрицает, отстаивает или осуждает, в конечном итоге должно пониматься в этических или моральных терминах» (Jun, 2010, p. 51).

Не лишней здесь представляется и констатация того, что этика есть, по сути, практическая философия, подразумевающая определенный образ жизни и поведения, которые в числе прочего раскрываются в политических практиках. Согласно Джуну, анархистская политическая философия – это буквально и есть анархистская практика: «Такова всякая добротная анархистская философия – она создана с расчетом на гостинные и баррикады, классные комнаты и улицы. Невозможно изменить мир, не поняв его, как невозможно понять мир, не попытавшись его изменить» (Jun, 2010, p. 62). Тем самым этико-философское измерение анархизма неразрывно сплетено с измерением политическим, а потому, говоря об анархистской философии, мы всегда должны держать в уме предикат «политическая». Этот нюанс в последующем будет иметь важное значение.

Приступая к выполнению следующей задачи, мы предпримем попытку разграничить понятия анархистской (политической) философии и философского анархизма. Конечно, разграничить – не значит противопоставить, поскольку в лице того или иного мыслителя можно найти органичный сплав того и другого. И, тем не менее, указанное разграничение необходимо четко обозначить уже хотя бы потому, что предпосылки к этому довольно давно имеют место в литературе об анархизме, но при этом явно не артикулируются.

В чем же заключается отличие философского анархизма от анархистской (политической) философии, которую мы бегло обрисовали выше? Пожалуй, начать следует с простого, если не очевидного, критерия идентификации с анархизмом как таковым. Проще говоря, анархистская философия разрабатывается приверженцами этико-политического проекта безгосударственного и – в подавляющем большинстве случаев – некапиталистического общества, тогда как философский анархизм мы обнаруживаем в текстах авторов, которые далеко не всегда разделяют идеалы и ценности такого проекта и даже могут их яростно критиковать. Предельно наглядным примером здесь может послужить творчество Ницше, которого, к слову, поэт и «анархо-мистик» Серебряного века Г. Чулков (2022, с. 77) прямо относил к выразителям именно философского анархизма, при том что, как известно, сам немецкий мыслитель не скупился на эскапады против анархистов

своего времени – проводников рабской морали и *ressentiment*'а. Фигура радикального индивидуалиста Штирнера, предшественника Ницше, также органично вплетается в традицию философского анархизма и вместе с тем считается (пусть не всеми и не всегда) одним из столпов анархистской философии. Этот пограничный статус Штирнера, который не причислял себя к анархистам, довольно интересным образом иллюстрирует ситуацию постанархизма, о чем речь пойдет ниже.

Еще один критерий или подход к определению философского анархизма развернуто представлен в статье П. Маклафлина (McLaughlin, 2010), которая сама по себе интересна в качестве образчика аналитического философствования. Маклафлин определяет философский анархизм, исходя из описания самой философии как процесса аргументации, который сопровождается понятийной точностью и логической последовательностью. Именно сила или слабость аргументов, оспаривающих легитимность власти, а также содержательная четкость понятий, которыми оперирует та или иная анархистская концепция, являются главными показателями философского анархизма, предшествуя какой-либо этико-политической тактике – индивидуалистической или социалистической – и активизму. В связи с этим Маклафлин резонно отмечает, что далеко не все анархисты придерживаются в своих рассуждениях концептуальной ясности и стройной аргументации: «Это нефилософские анархисты, то есть такие, которые отказываются пояснить нам, о чем же конкретно они говорят (“власть”, “государство”, “принуждение”, “свобода”), или предоставить хоть какие-то аргументы в защиту своей позиции (революционное преобразование общества в сторону “анархии”)» (McLaughlin, 2010, p. 22). В перечень же более или менее последовательных репрезентантов современного философского анархизма современности Маклафлин включает Р. П. Вольфа, А. Дж. Симонса и А. Картера. Наконец, этот автор высвечивает еще один важный аспект философского анархизма – его академичность и, как следствие, неприятие со стороны анархистов активистского толка, усматривающих в нем квиетизм и кабинетную софистику. Этот вопрос об академизме подводит нас к следующей значимой перспективе, связанной с философским анархизмом.

Очевидно, что континентальная мысль на контрасте с аналитической традицией, которая *предписывает* строгую логичность и понятийную однозначность, не столь требовательна в ограничениях стилистического и смыслового плана. Постструктурализм как одно из проявлений такой «вольнлюбивой» парадигмы, подрывающей при этом всякую парадигмальность мышления, оказывается не просто созвучен анархистским интенциям, но в своей восприимчивости к микрополитике и репрессивным последствиям репрезентации (политической, нормативной, дискурсивной и любой другой) является, согласно Мэю (May, 2011, p. 44), даже более анархичным, чем традиционный анархизм. В начале статьи мы неслучайно упомянули Малабу (Malabou, 2023), которая вписала ряд континентальных мыслителей от Шюрманна до Агамбена в свою рубрику философской анархии. Ее относительно недавнюю работу можно назвать еще одной попыткой понять и преодолеть диссоциацию политического и философского анархизма – проблему, которая, по ее замечанию, не получает должного внимания.

Объясняя их взаимное ускользание при общем отрицании отношений господства, Малабу (Malabou, 2023), с одной стороны, констатирует неприязнь политического анархизма к философским рефлексиям в силу декларируемого им приоритета практики над изобретением концептов, а с другой – дистанцирование философского анархизма от политического анархо-дискурса как наследия просвещенческой метафизики с ее субстанциалистскими представлениями о власти и человеческой природе. «Более того, для философа, если ему никогда не было стыдно объявить себя марксистом, называть себя анархистом почти неприлично, поскольку анархизм моментально ассоциируется с чем-то невозможным, недостижимым, со сбивающей с толку смесью террористического насилия и наивности» (Malabou, 2023, p. 13).

Очевидно, что обобщенная фигура философа в этой цитате, а также в рассмотренном тексте Маклафлина (McLaughlin, 2010), принадлежит к академическому миру, как к нему принадлежали и конкретные мыслители из перечня Малабу. Академический мир же стереотипно (что, конечно, не значит «безосновательно») ассоциируется не только с заносчивым интеллектуализмом, но и с институциональной и статусной иерархией, из-за чего становится понятным исходящее от политического анархизма недоверие, если не враждебность, к этому миру. Возвращаясь к нашей терминологии, анархистская философия (которая есть этика, равная политической практике) и философский анархизм выстраивают между собой что-то вроде линии напряжения, высокого или низкого в зависимости от силы обоюдной стереотипизации. По нашему мнению, в этом напряжении, а также с целью его минимизации, как раз и складывается дискурс постанархизма.

Постанархизм как (само)опознание анархизма

Несмотря на свой префикс, постанархизм никогда не претендовал на завершение и преодоление анархистского проекта как такового. Привлечение же постструктурализма при «сканировании» традиционных анархистских установок мотивировано его потенциалом в обнаружении дискурсивных ловушек прогрессизма, гуманизма и эссенциализма, расставленных парадигмой эпохи Просвещения, в рамках которой и на языке которой этот проект выстраивался. Колл (Call, 2002, p. 43), например, подчеркивает, что его постмодерный анархизм нацелен лишь на разработку такого теоретического пространства, из которого мог бы прорасти новый тип политической культуры. Для Ньюмана (Newman, 2019) подобно тому, как критика Просвещения воплощает в себе критический дух самого Просвещения, постанархизм становится инструментом рефлексии о границах самого анархизма – рефлексии, которая разворачивается в этих границах, расширяя их изнутри, а не выходя вовне. И под таким расширением Ньюман подразумевает главным образом очень важные для политики влияния психоанализа и постструктуралистской теории: «...именно при намерении синтезировать их с анархизмом – пытаюсь нацелить одно на другое, помыслить одно *посредством* другого, – мы и можем говорить о *постанархизме*» (Newman, 2019, p. 82-83).

Иначе говоря, постанархизм мыслит себя той частью анархистского проекта и, соответственно, анархистской (политической) философии, которая проблематизирует те или иные ее основания, используя неанархистский теоретический инструментарий. И в этом смысле критики постанархизма, на наш взгляд, бьют мимо цели, когда разоблачают в нем отсутствие новизны, на которую он никогда не претендовал. Ньюман (2021, с. 35) не просто так говорит о том, что постанархизм функционирует не только как деконструкция, но и как *реконструкция* анархистской мысли. Если в постанархистских текстах мы и встречаемся с риторикой обновления (которое, надо сказать, не тождественно новизне), то лишь в этом смысле реконструкции и реактуализации анархизма, его включения в дискуссии, разворачивающиеся в пространстве современной философии, в том числе академической. Данную операцию лаконично резюмировал Д. Руссель: «В этом и заключается постанархизм: переписывать и перечитывать прошлое, обнаруживать то, что упустили по дороге, а также высвечивать то, что так долго прочитывали / писали неправильно» (Rousselle, 2012, p. 137). В конце концов, именно благодаря постанархизму, в своей реакции на него критики и обратили внимание на то, что классические анархистские тексты предвосхищают и микрополитику, и связку «власть-знание», и критику эссенциализма – все то, с чем обычно ассоциируется философия периода постмодерна. Например, Джун (Jun, 2012) в полемике с Мэем доказывает, что классический анархизм изначально является постмодернистской/постструктуралистской политической философией в силу того, что за столетие до Фуко и Делеза сформулировал ряд идей, изобретение которых принято приписывать им. То есть, выражаясь несколько несуразно, это не постмодернизм анархичен, а наоборот – анархизм постмодерничен (Jun, 2012, p. 165).

Итак, одной своей стороной постанархизм привязан к общему анархистскому этосу, хотя, как мы указали в одном из примечаний, не является при этом активистской практикой. Другой же стороной он обращен к философскому анархизму – преимущественно в континентальном, а не аналитическом его изводе. Как мы видели, вопросы онтологии и эпистемологии, субъективности и идентичности, революции и восстания разрешаются постанархизмом в русле именно центробежной философской анархии, т. е. в направлении смещения тех начал и оснований, на которых зиждется не только господствующая политическая рациональность, но и дискурс самого анархизма (опять же, не с целью его отбросить, но с целью интенсифицировать). При этом уклонение от *однозначной* политической идентификации, характерное для континентальных «философов анархии», в случае с постанархизмом не срабатывает.

Выше мы неспроста коснулись пограничного положения Штирнера (2017) между анархистской философией и философским анархизмом. Не случайным кажется и то, что Штирнер играет немаловажную роль у некоторых постанархистских авторов. Этот радикальный апологет индивидуализма, который предварял постструктурализм тотальным обрушением всевозможных дискурсивных препятствий на пути Я, также сторонился каких бы то ни было означающих: «О Боге говорят: “Имен для тебя нет”. Но это справедливо для меня: ни одно *понятие* не может меня выразить, ничто, что преподносится мне как моя “сущность”, не исчерпывает меня; все это только слова и названия» (Штирнер, 2017, с. 450). И все же эта стратегия отказа от идентификации не сработала: имя Штирнера (пусть даже это и псевдоним) прочно привязано к анархизму как его индивидуалистическая ипостась. Статичные идентичности, которые конструируются системами власти и аватарами которых нам предписывается быть, аналогичным образом оспариваются и в постанархизме. Однако, как уже было показано, постанархизм не обособляется от анархистского проекта. Так складывается пограничное положение самого постанархизма: из-за обращенности к философскому анархизму мы не можем назвать его практикой; из-за обращенности к анархистской философии мы не можем игнорировать его явную этико-политическую ангажированность.

Таким образом, постанархизм – это анархистская рефлексия об анархизме, а его искомый «референт» – сама анархистская мысль. Отсюда, вероятно, и проистекает отмеченное во введении впечатление беспредметного теоретизирования, которое могут создавать постанархистские тексты. Но дело в том, что мысль как таковая не статична, а анархистская («безначальная») мысль – тем более. Вот почему для постанархистского дискурса так важны категории и концепты философского анархизма: становление, номадизм, ризома и т. п. И вот почему «опознание» постанархизма так проблематично. Вырастая из напряжения между анархистской политической философией и философским анархизмом, постанархизм прочитывает одно через другое таким образом, чтобы минимизировать это напряжение за счет взаимного теоретического и этического обогащения. Насколько удачна эта процедура и насколько приемлема для самих анархистов, – вопрос отдельный. В любом случае, если принять за аксиому слова М. А. Бакунина (2022) о том, что мысль предшествует бунту, постанархизм, как минимум, не бесполезен.

О критике ярлыка и академизме

Завершая процесс «опознания», выскажем еще одно соображение. В критических реакциях на постанархизм нередко проступает своеобразное беспокойство, связанное с приставкой «пост-», которая считается как признак привилегированного и оторванного от жизни академизма либо как попытка зарезервировать броский ярлык для привлечения внимания (Кун, 2023). Неудачность подобранного термина признавал даже Ньюман, который, как мы помним, и ввел его в широкий оборот в 2002 г., а Мэй в свою очередь всегда его сторонился. За почти четверть века этот термин, означающий если и не отдельное направление в анархизме, то, по крайней мере, подход или метод в его рамках (здесь мы согласимся с критиком Г. Куном), утвердился достаточно основательно, чтобы от него можно было просто отмахнуться. Свою роль в этом, как ни парадоксально, сыграли и продолжают играть сами критики, которые в ходе выявления слабостей и противоречий постанархизма воспроизводят из текста в текст неприятный для них ярлык, а следом и то, что за ним кроется.

Дело не в том, что постанархизм не за что критиковать – в нем действительно имеет место и редукционистский подход к классике, и излишняя замысловатость письма, и европоцентричная оптика. Парадокс заключается в том, что реагирующие на все это критики нередко перехватывают язык постанархизма и сами работают в заданных им направлениях, всего-навсего дистанцируясь от термина. В этом, пожалуй, и заключается вклад постанархизма в анархистскую политическую философию безотносительно того, под какой дефиницией осуществляется рефлексия. Как выразился Руссель, «если судьба постанархизма зависит только от циркуляции его ярлыка, то нам нечего бояться, поскольку постанархизм есть не что иное, как *анархизм*, обращенный к самому себе» (Rousselle, 2012, p. 136).

Что касается академизации анархизма, то в реалиях информационного общества или общества знания невозможно игнорировать объективную роль университетов, которые по-прежнему остаются ведущими центрами производства знаний. И если анархизм претендует на то, чтобы оставаться живой и актуальной традицией, – а, на наш взгляд, он ею и остается, – то его приспособление к указанным реалиям попросту неизбежно. Безусловно, существует риск поглощения и выхолащивания анархизма институциональной логикой академии, в чем, судя по всему, и заключается основной упрек в сторону постанархистских теоретиков, немалая часть которых имеет академические регалии. Но в этом отношении, как нам кажется, анархизм просто по определению обладает своеобразным иммунитетом: «Вероятно, анархизм антидисциплинарен не только с точки зрения социальной и политической организации, но также и в эпистемологическом и онтологическом смысле, – пишет Ньюман. – И, возможно, именно *благодаря* своей маргинальности по отношению к дисциплинам он способен воздействовать на них, подрывать их и тем самым потенциально их трансформировать. Я, конечно, не говорю, что анархизму нет места в дисциплинах гуманитарных и социальных наук – как раз наоборот, – но его место всегда следует рассматривать как место неразрешимое, парадоксальное, пороговое» (Newman, 2019, p. 81). Другими словами, даже в своем постанархистском «оформлении» анархизм вряд ли может стать органичной и непротиворечивой частью академии. В противном случае либо это будет уже не анархизм, либо это будет иная академия.

Заключение

Таким образом, мы можем тезисно обозначить результаты настоящего исследования в соответствии с поставленными во введении целью и задачами следующим образом:

- в историко-философской перспективе представлена генеалогия и тематический срез постанархизма, которые позволяют говорить о нем как о неортодоксальном течении или тенденции в общем анархистском дискурсе;
- разграничение, проведенное между понятиями анархистской (политической) философии и философского анархизма, способствует концептуальной корректировке языка научных исследований, посвященных анархизму;
- наконец, пограничный характер постанархизма, выявленный в ходе исследования, отражает его специфическую роль в минимизации напряжения и взаимной стереотипизации между анархистской философией и философским анархизмом.

Перспективы дальнейших научных изысканий в области, заданной настоящим исследованием, могут быть связаны с более детальной разработкой понятия философского анархизма, не обязательно подразумевающего приверженность этико-политическим принципам анархизма как такового. Что касается постанархизма, то, как уже отмечалось, перспективным и даже новаторским может стать выявление корреляций между постанархистскими установками и оригинальными трактовками безвластия, которые были предложены некоторыми русскими анархистами Серебряного века. Кроме того, сам постанархизм по-прежнему является малоизученной в России темой, а потому значимой и перспективной представляется дальнейшая разработка этой темы с привлечением большего количества неосвоенных первоисточников.

Источники | References

1. Бакунин М. А. Бог и государство. Исповедь. М.: АСТ, 2022.
2. Бей Х. Пост-анархистская анархия // Бей Х. Автономные зоны: временные и постоянные. СПб.: СНА-OSSS/PRESS, 2020.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016.
4. Герасимов Н. Убить в себе государство. Как бунтари, философы и мечтатели придумали русский анархизм. М.: Individuum, 2024.
5. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014.
6. Кун Г. Постанархизм без розовых очков. М.: Черный квадрат, 2023.
7. Ньюман С. Постанархизм / пер. с англ. О. Л. Грабовского. М.: РИПОЛ классик, 2021.
8. Чулков Г. О мистическом анархизме. М.: РИПОЛ классик, 2022.
9. Штирнер М. Единственный и его собственность / пер. с нем. М. Л. Гохшиллера, Б. В. Гиммельфарба. М.: РИПОЛ классик, 2017.
10. Call L. Postmodern Anarchism. Lanham: Lexington Books, 2002.
11. Day R. Gramsci Is Dead: Anarchist Currents in the Newest Social Movements. L.: Pluto Press, 2005.

12. Day R. Landauer Today // Landauer G. Revolution and Other Writings: A Political Reader / ed. by G. Kuhn. Oakland: PM Press, 2010.
13. Greer J. C. Occult Origins. Hakim Bey's Ontological Post-Anarchism // Anarchist Developments in Cultural Studies. 2013. № 2. Ontological Anarché: Beyond Materialism and Idealism.
14. Jun N. Anarchism and Political Modernity. N. Y.: Continuum, 2012.
15. Jun N. Anarchist Philosophy: Past, Problems and Prospects // Anarchism and Moral Philosophy / ed. by B. Franks, M. Wilson. L.: Palgrave Macmillan, 2010.
16. Koch A. M. Poststructuralism and the epistemological basis of anarchism // Philosophy of the Social Sciences. 1993. No. 23 (3).
17. Malabou C. Stop Thief! Anarchism and Philosophy / trans. by C. Shread. Cambridge: Polity Press, 2023.
18. May T. Is Post-Structuralist Political theory Anarchist? // Post-Anarchism: A Reader / ed. by D. Rousselle, S. Evner. N. Y.: Pluto Press, 2011.
19. May T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994.
20. McLaughlin P. In Defence of Philosophical Anarchism // Anarchism and Moral Philosophy / ed. by B. Franks, M. Wilson. L.: Palgrave Macmillan, 2010.
21. Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham: Lexington Books, 2001.
22. Newman S. Postanarchism today. Anarchism and political theory // The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences / ed. by C. Levy, S. Newman. L. – N. Y.: Routledge, 2019.
23. Newman S. The Politics of Postanarchism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
24. Post-Anarchism: A Reader / ed. by D. Rousselle, S. Evner. N. Y.: Pluto Press, 2011.
25. Rousselle D. After Post-Anarchism. Berkeley: Creative Commons, LBC Books, 2012.
26. Rousselle D. Post-Anarchism & Psychoanalysis: Seminars on Politics and Society / ed. by W. Kim. Independently Published, 2023.

Информация об авторах | Author information

Поляков Дмитрий Борисович¹, к. филос. н., доц.

¹ Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Dmitry Borisovich Polyakov¹, PhD

¹ Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

¹ poldmit89@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.03.2025; опубликовано online (published online): 06.05.2025.

Ключевые слова (keywords): постанархизм; анархистская философия; философский анархизм; постструктурализм; post-anarchism; anarchist philosophy; philosophical anarchism; post-structuralism.